

Российская Академия Наук

А.А. Громыко

Большая Европа: внутренние и внешние угрозы безопасности

Аналитический доклад

Москва 2017

УДК 327(4)
ББК 66.4
Г87

ISBN 978-5-9908169-7-8

© Российская академия наук, 2017
© Ал.А. Громыко, 2017

Большая Европа: внутренние и внешние угрозы безопасности

Ал.А. Громько, член-корр. РАН

Директор Института Европы РАН

Председатель Координационного совета профессоров РАН

Угрозы безопасности в данном исследовании – традиционные угрозы военного, социально-экономического и политического характера; как явные, очевидные, так и потенциальные риски неспособности государств или их объединений ответить на ключевые вызовы современности и национального развития.

Что такое Большая Европа? Огромное и мозаичное цивилизационное пространство от Атлантики до Тихого океана. Европа не сводится к географическому представлению о ней как о части Евразии от западных рубежей Португалии и Ирландии до Урала, и тем более не ограничивается территорией Европейского союза. Большая Европа – это пространство множества европейских идентичностей.

Европа в своём цивилизационном воплощении – то место, где большинство людей принадлежит многоликой европейской культуре, точнее – культурам, говорит на множестве европейских языков, является носителями исторической памяти, которая может как объединять, так и разделять. История и судьбы России – это результат не только сплава европейских и евразийских ценностей, представлений и воззрений, но и результат взаимодействия разных цивилизаций. На первом месте среди них стоит цивилизация европейская.

Безопасность и послевоенные модели международных отношений

Приведём модели международных отношений, которые определяли форматы обеспечения безопасности во второй половине XX – начале XXI века.

Первая модель – биполярность, баланс силы и интересов сверхдержав – СССР и США. Глобальное управление и регулирование осуществлялось двумя противостоящими друг другу лидерами, создавшими вокруг себя круг союзников, сателлитов и попутчиков. С точки зрения реализации власти, это была модель

с двумя «вертикалями». Она пришла на смену европоцентризму в международных отношениях, доминировавшему до середины прошлого века со времён Великих географических открытий.

Вторая модель – однополярный мир 1990-х гг. как стремление США к сохранению статуса сверхдержавы в условиях демонтажа своего основного конкурента. Как оказалось позже, то была переходная модель, которая не смогла закрепиться на практике. Предполагалась одна вертикаль власти в системе глобального управления. Европейские центры силы занимали бы в ней ещё более соподчинённое место, чем в эпоху биполярности.

Третья модель – «евросфера» как попытка в первое десятилетие нового века вернуть европоцентризм в центр глобального регулирования. Но на сей раз европоцентризм в международных отношениях предусматривал лидерские позиции Европейского союза, а не Соединённых Штатов, России, Китая или кого бы то ещё. Такое лидерство должно было опираться на «мягкую» и нормативную силу Евросоюза. «Евросфера», как и однополярность, также во многом осталась в проекте, оказалась частью переходного этапа. Череду кризисов в ЕС с середины 2000-х гг., увенчанная брекзитом, перечеркнули эти ожидания¹.

Четвёртая модель – полицентричный мир. В идеале это модель горизонтали власти, или сетевого устройства. На деле речь идёт о диагонали власти, т.е. о широком распределении властных полномочий в системе глобального регулирования, но с сохранением элементом иерархичности и соподчинённости, другими словами – компромисса между вертикалью и горизонталью власти и влияния. Такая модель больше, чем другие, отвечает национальным интересам влиятельных субъектов международных отношений за рамками коллективного Запада – России, Китая, Индии и др.

Не по форме, но по сути, такой полицентризм похож на модель «концерна держав», который длительное время в XIX веке определял систему межгосударственных, точнее – межимперских отношений в Старом Свете, а, следовательно, во многом и в мире. Но полицентризм сегодня – это явление не региональное,

¹ Наиболее убедительно тезис об ухудшении перспектив проекта ЕС свидетельствуют работы тех европейских аналитиков, которые раньше были убеждёнными европеистами. Например, см. Jan Zielonka. Is the EU Doomed? Polity, 2014. Reprinted 2016.

а глобальное. Если бы он повлёк складывание нечто подобного европейскому «концерту держав», то в нём современные ключевые игроки, расположенные в Большой Европе, были бы только частью мирового «концерта». Существует достаточно аргументированная точка зрения о том, что современный полицентризм, в отличие от предыдущих конфигураций великих держав (биполярность, «концерт держав» XIX века), не носит антагонистического характера. Одновременно указывается на то, что в современном мире усложнение урегулирования проблем безопасности всё же может приводить к катастрофическим последствиям².

Конечно, нет гарантии того, что модель конструктивного полицентризма, опирающегося на современное международное право, ядром которого служит ООН и её Устав, безальтернативна. Безальтернативен полицентризм как объективное явление, но не его возможные модели. Точно так же – безальтернативна глобализация как усиление взаимозависимости мира, хотя и до определённого предела, но не её модели. Они рукотворны. Неoliberalная модель глобализации, возникшая в 1980-е гг. благодаря усилиям определённых политических движений и политических идеологий, почти выработала свой ресурс и требует замены.

Чрезвычайно важно, что на формирование моделей международных отношений и глобального регулирования громадное влияние оказывает субъективный фактор. От наличия или отсутствия политического лидерства будет многое зависеть и в Европе, и за её пределами³.

В отсутствии политической воли и при иных неблагоприятных обстоятельствах полицентризм может превратиться в мир без правил, т.е. хаос, или в мир, где будут сосуществовать несколько конфликтующих порядков⁴. В таком случае не исключён сценарий деглобализации.

² Безопасность и контроль над вооружениями 2015-2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами. Отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН; Политическая энциклопедия, 2016. С. 302.

³ Под политическим лидерством имеем в виду «политических лидеров» – проекты, а не конкретных политиков. О мифе «сильного лидера» см.: Archie Brown. *The Myth of the Strong Leader. Political Leadership in the Modern Age*. Vintage Books, 2015.

⁴ В новейших российских исследованиях о позиционировании России в мире положение о формировании полицентричного мира стало магистральным, как и положение о том, что пока ещё слабо структурированный полицентризм может «свалиться» в хаотизацию, см., например: Тезисы по внешней политике и позиционированию России в мире (2017-2024). Центр стратегических разработок и РСМД. М.: 2017. С. 8-9.

Действительно, с точки зрения объёмов мировой торговли глобализация достигла пика в 2007 г. Причём корни её гиперфазы уходят в 1980-е гг. Потоки товаров, услуг и капитала взлетели до отметки 53% в мировом ВВП. Затем они испытали резкое падение, откатившись в процентах от мирового ВВП до уровня 2001–2002 гг., и неустойчивое укрепление, начиная с 2010 г. Как бы то ни было, в денежном выражении эти потоки увеличились на порядок – с 3 трлн долларов США в 1980 г. до 30 трлн в 2014 г.⁵

Несколько слов о форматах, несущих конструкциях и элементах безопасности Большой Европы после 1945 г., как реализованных, так и проектных. На первом этапе, до 1980-х гг., ими служило в первую очередь международное право с опорой на Устав Организации Объединённых Наций, возникшей как часть Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений. Ключевую роль играл институт национального государства как основной строительный материал системы глобального управления. Неотъемлемым элементом социальной стабильности стали социальный рынок и «государство благосостояния» (социальное государство). Относительную военно-политическую стабильность и предсказуемость поведения конкурентов обеспечило оружие массового уничтожения, особенно после того, как Советский Союз добился стратегического паритета с США в 1960-е – 70-е гг.

Стабилизирующим фактором стало закрепление в 1975 г. на Хельсинском совещании по безопасности и сотрудничеству по-слевоенных границ в Европе. Существует мнение, что тогда, в Хельсинки СССР принял стратегическое поражение за стратегическую победу, позволив вкратце в «декалог» принципам, с помощью которых Запад в среднесрочной перспективе добился значительного ослабления позиций своего противника. В первую очередь указывают на «корзину» прав человека и на оговорки касательно возможности изменения государственных границ.

Думается, что эта критика выступает с позиций пост-факта, т.е. задним числом, ретроспективно оценивает эффективность Заклочительного акта с высоты более поздних событий, которые уже не имели к нему прямого отношения. Такой подход

⁵ Munich Security Report 2017. С. 9. www.securityconference.de/en/discussion/munich-security-report

представляется ошибочным. С одной стороны, эффективность любого соглашения надо оценивать по результатам. С другой, – результатами можно посчитать последующие события, которые в реальности не являются звеньями причинно-следственных связей, вызванных в данном случае комплексом конкретных международных договорённостей.

Хельсинкский заключительный акт был компромиссным документом, для подписания которого Запад и Восток пошли на ряд уступок друг другу. В 1975 г. и длительное время после совещания достигнутые соглашения представлялись обеим сторонам сбалансированными. Одновременно каждая из них не отказывалась от идеи, в случае появления такой возможности, изменить баланс сил в свою пользу и в случае успеха превратить ранее сделанные соперником равновесные уступки в его ахиллесову пяту.

Если бы не договорённости 1975 года, удалось бы предотвратить ход событий, приведший Советский Союз к распаду 15 лет спустя? Думается, что Заключительный акт не имел к этому ни прямого, ни косвенного отношения. Допущенные Кремлём компромиссы при его выработке и заключении превратились в «просчёты» после того, как стал меняться общий баланс сил в мире. В результате выгодные для СССР стороны соглашения стали выхолащиваться, а компромиссные превращаться в «недальновидные». С тем же успехом можно было бы утверждать, что создание Совета Безопасности ООН в 1945 г. было ошибкой, так как в последующий период истории соперники СССР не раз использовали его с целью нанести урон Кремлю.

Похожей логикой руководствуется, например, Киев, обвиняя Москву в нарушении Будапештского меморандума. Украина задним числом заявляет об ущербности этого документа для её интересов в результате «нарушения» его Россией, хотя по сравнению с 1994 г. ситуация с точки зрения взятых на себя тогда подписантами обязательств коренным образом изменилась после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г.⁶

⁶ Отдельной темой является бесновательность обвинений России в нарушении Будапештского меморандума как такового даже с сугубо юридической точки зрения. Если Меморандум был меморандумом по сути, его невозможно было нарушить, так как стороны не взяли на себя юридические обязательства. Если же он был по сути международным договором, то и в этом случае нарушить его было нельзя, потому что ни одна из сторон не ратифицировала его.

Другими словами, баланс выгод и уступок, заложенный в международном договоре, который заключён в конкретный исторический момент времени, может меняться в ходе последующих событий. В результате меняются его восприятие и оценки с точки зрения привлекательности или наоборот невыгодности.

Очевидную ценность хельсинкских соглашений доказывает и то, что до сих пор, более 40 лет спустя, на них постоянно ссылаются как на один из краеугольных камней послевоенной системы международного права и примера, которому в той или иной степени многие хотели бы продолжать следовать. Отсюда, например, столь широко обсуждаемая в последние годы идея «Хельсинки-плюс». Отсюда и последовательная заинтересованность Москвы в обретении ОБСЕ (как наследника СБСЕ) полноценной правосубъектности для увеличения её роли в разрешении международных конфликтов. Отсюда и большие надежды, которые возлагают на ОБСЕ в деле урегулирования украинского кризиса.

Возвращаясь к ключевым элементам безопасности Большой Европы после 1945 г., необходимо упомянуть ещё об одном процессе – об историческом примирении Франции и Германии в рамках Европейского экономического сообщества. Для Западной Европы это стало бесспорным достижением.

На следующем этапе, со второй половины 1980-х гг., созданные ранее форматы безопасности Большой Европы стали обогащаться новыми идеями, которые, как казалось, могли привести к достижению действительно прочного мира без разделительных линий. Среди них – идея общеевропейского дома, системы безопасности от Ванкувера до Владивостока, общеевропейской системы безопасности, равной и неделимой.

Активно протекал разоруженческий процесс, в том числе были подписаны договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и договор об обычных вооружённых силах в Европе. Эффект «мирного дивиденда» высвобождал значительные средства, которые теперь могли идти на нужды гражданской экономики и на развитие социальной сферы.

Важной новацией в подходах к европейской безопасности стала концепция «мягкой» силы как альтернатива жёсткой. Именно «мягкая» сила на достаточно длительное время стала одной из главных составляющих подхода Европейского союза к вопросам развития и конфликтного урегулирования.

Речь идёт о воздействии на мир с помощью своей привлекательности, культуры, языка и т.д. Китай во второй половине 2000-х гг. вышел вперёд по количеству создаваемых в мире отделений Института Конфуция (более 400), более чем в два раза обогнав по этому параметру Британский совет и Институт Гёте. Новым фактором в этом соревновании стали Центры Русского мира – проект фонда «Русский мир»; их количество в 2017 г. достигло 109.

Продолжала реализовываться западноевропейская концепция региональной интеграции и «пула суверенитетов» ЕЭС/ЕС как смиренная рубашка национализма, приведшего к катастрофам Первой и Второй мировых войн. Именно такое, сугубо негативное отношение к национализму стало доминантой в политическом мышлении сторонников европейского федерализма. Более того, оно стало распространяться и на отношение к национальному самосознанию как таковому. Вместо него должны были и дальше складываться общий европейский социум и европейская полития, в которых продолжали бы растворяться государственные границы и субъектность государств-членов.

С принятием в 1986 г. Единого европейского акта и в 1992 г. Маастрихтского договора федералистские тенденции в ЕС получили новый импульс. Тогда мало кто предполагал, что нивелирование национальных различий и перманентное изменение соотношения сил внутри интеграционного проекта в пользу наднациональных структур и нарративов в будущем приведёт к реакции отторжения, вплоть до выхода из ЕС одного из государств-членов.

Безопасность в постбиполярном мире: надежды и разочарования

Последние десятилетия стали свидетелями различных шагов по размыванию и даже демонтажу различных форматов безопасности в Большой Европе и вокруг неё. В это свою лепту внесла политика расширения НАТО. Поступательно происходило не только приближение военной инфраструктуры альянса к российским границам, но и попустительское безответственным действиям стран, рассчитывавших вступить в него. Например, такими были действия грузинского руководства в августе 2008 г.

Множилось число государств, обладающих ядерным оружием. В их ряды вошли Индия, Пакистан, а позже Северная Корея. Оружие массового уничтожения перестало рассматриваться исключительно как стабилизирующая сила и сдерживающий фактор, приобретаая всё больше черт потенциального источника дестабилизации⁷. Так, повышение вероятности резкой эскалации напряжённости между Пхеньяном, Сеулом, Вашингтоном и Токио увеличивает шансы обмена ядерными ударами вблизи российских границ или крупномасштабного конвенционального военного конфликта в регионе.

С начала XXI века безопасность Большой Европы подтачивали разработка и строительство региональной ПРО как части глобальной системы ПРО США. После того, как летом 2015 г. было заключено соглашение международной «шестёрки» с Ираном, но Вашингтон всё равно приступил к размещению наземного компонента этой системы в Румынии и Польше, под угрозой оказался Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Происходит дальнейшее расшатывание системы глобальной стратегической стабильности.

Коррозия европейской безопасности ускорена с неожиданной стороны – постепенным отказом ЕС и значительным количеством его государств-членов от ведущей роли «мягкой» силы в их внешней политике. Неоднократное применение рядом европейских стран и США, их союзниками военной силы в нарушении международного права в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии, проталкивание независимости Косово, одержимость концепцией смены режимов нанесли вред ООН, увеличили степень нигилизма в отношении соблюдения норм международного права, столкнули лбами принципы права наций на самоопределение и территориальной целостности государств.

К отрицательным последствиям в сфере европейской безопасности привела политика расширения сферы влияния Евросоюза с помощью поддержки антироссийских сил. Одним из результатов этого стал антиконституционный переворот в Киеве в феврале 2014 г. и дальнейшая эскалация напряжённости

⁷ Специалисты по политической стратегии обычно рассматривают ядерное оружие как неизбежный атрибут стратегического планирования на всю обозримую перспективу, признавая одновременно потенциальную смертоносность этого атрибута. См., например: Colin S. Gray. *The Future of Strategy*. Polity, 2015. P. 105.

внутри Украины и вокруг неё. Если по этому трафарету продолжат развиваться события в Молдове, что становится всё более вероятным, Приднестровье может вновь превратиться в горячий конфликт с непредсказуемыми последствиями.

Расшатыванию основ региональной и глобальной безопасности способствовало активное использование санкционных режимов в обход Совета Безопасности ООН. Яркий пример – введение нескольких пакетов санкций против России, начиная с 2014 года, с постановкой заранее невыполнимых целей. Важно отметить, что использование рестрикций против неё началось до событий на Украине, например, санкции в связи с «делом Магнитского». Фактически, прибегая к всё более масштабной практике санкций, Запад своими руками увеличивает шансы на раскручивание процессов деглобализации, что должно быть невыгодно в первую очередь ему самому.

Потенциал дестабилизации безопасности Большой Европы заключается и в неустойчивости и неопределённости будущего политических режимов и партийно-политических систем в ряде стран в пограничных с Россией регионах или близких к её рубежам, включая Закавказье, Центральную Азию, Ближний и Средний Восток.

В последние годы выросли масштабы внутренних вызовов безопасности Большой Европы. Среди них долгосрочным фактором являются демографические изменения, в первую очередь постепенное, но неуклонное снижение числа носителей европейской культуры в результате низкой рождаемости среди «коренного» населения. Не меньшую угрозу могут представлять процессы депопуляции целых европейских стран или их отдельных регионов.

Не менее грозный вызов – усиление социально-экономических диспаритетов как между государствами Большой Европы, так и внутри них. Мировой экономический кризис только усилил эти процессы. Так, в ЕС вследствие финансовых и банковских неурядиц, обострения проблемы бюджетных дефицитов, а затем суверенных долговых обязательств, широкое применение нашла политика «жесткой экономии», глашатаем которой выступила Германия. Сумма этих негативных факторов привела к тому, что у многочисленных групп населения в течение длительного времени доходы стагнировали, а то и снижались в реальном выражении.

Ответной реакцией на такое положение дел стал «новый популизм», выразивший недовольство широких слоёв среднего класса своим обеднением и постепенным сворачиванием институтов «государства благосостояния», а в более общих категориях – выхолащиванием послевоенного «социального контракта». Одним из побочных эффектов таких протестных настроений и повышения ощущения собственной уязвимости, стал рост радикальных политических движений, антисистемных сил, смыкающихся с экстремизмом, ксенофобией, расизмом.

Одним из центральных внутренних вызовов безопасности Большой Европы стала доктрина «новой холодной войны» – одно из худших выражений конкуренции различных центров силы Старого Света за влияние. Как и британская «неписаная» конституция, которая не существует в виде единого документа, но складывается из множества источников, доктрина «новой холодной войны» – образ собирательный, но вполне реальный. Многими и в России, и на Западе она рассматривается в качестве «новой нормальности» в их отношениях. «Подложка» здесь очевидна – заставить Москву втянуться в жёсткое противостояние со своими соперниками, составной частью которого является гонка вооружений, рассчитанная на постепенное изматывание России. Такое в истории уже было, и допустить повторение подобного нельзя.

Большая Европа стоит и перед лицом вызовов смешанной внутренней и внешней природы, между которыми трудно провести границу. В этой категории бесспорный «лидер» – международный терроризм. Когда-то это явление воспринималось как сугубо привходящее, внешнее для Европы, но к настоящему времени превратилось в доморощенный феномен Старого Света. Он появился лишь в 1990-е гг., уходя своими корнями во внутреннее межэтническое и религиозное противостояние в Афганистане во второй половине 1970-х гг., в перипетии отношений Афганистана с соседями, в первую очередь с Пакистаном, в превращение Афганистана в зону противоборства между СССР и США после ввода советских войск в эту страну в 1979 г.

Нельзя не отметить полный провал т.н. «войны с международным терроризмом», объявленной президентом США Дж. Бушем-младшим в 2001 г. После атаки на небоскрёбы в Нью-Йорке число погибших от терактов в мире к 2003 г. сни-

зилось вдвое. Но после вторжения в Ирак зарегистрирован резкий рост количества жертв терроризма, которое достигло почти 2 тыс. человек. Затем вновь эти трагические цифры пошли на спад, но переживли новый взлёт до 32 тыс. погибших в 2014 г. после того, как изначально внутренние столкновения в Сирии превратились в результате вмешательства соседей Сирии и США в полномасштабную гражданскую войну и в целом в борьбу региональных государств за лидерство в этой части мира⁸. В 2017 г. международный терроризм продолжает носить черты устойчивого явления трансрегионального характера⁹.

Продолжается относительное снижение и экономической, и политической конкурентоспособности Большой Европы по сравнению с быстрорастущими центрами силы. Отсутствует полноценная политическая субъектность Евросоюза; достаточно очевидна его неспособность проводить осознанную и самостоятельную внешнюю политику. Одно из проявлений этого – взятый курс на изоляцию России на международной арене и решение разногласий с ней с помощью давления и угроз. В Брюсселе и многих столицах стран-членов осознают эту неспособность. Отсюда резко возросшая активность европейских федералистов, подстёгнутая «новым популизмом», брекзитом и феноменом Д. Трампа, в деле развития общей политики обороны и безопасности. Значительное большинство граждан стран-членов ЕС не довольны ситуацией в этой сфере. Так, в Испании за более активную роль ЕС в мире выступает 90% населения, во Франции – 0%, в Италии – 77%, в среднем по ЕС – 74%¹⁰.

Помимо массы традиционных и нетрадиционных внешних угроз, а также универсальных угроз, таких как климатические изменения, наркотрафик, оргпреступность, эпидемии, нельзя не отметить неконтролируемую миграцию, которая захлестнула Евросоюз с 2015 года. Африканский и ближневосточный демографический навес является для Евросоюза, Балкан дол-

⁸ START Global Terrorism Database, www.start.umd.edu/gtd. Подсчитано Institute for Economics and Peace.

⁹ На системный характер террористической угрозы указывает Обзор МИД России «Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность Российской Федерации в 2016 году».

¹⁰ Pew Research Centre. Spring 2016 Global Attitudes Survey. Q39.

говременным фактором. Для России, которая и так уже много лет одни из крупнейших стран-реципиентов мигрантов в мире, схожие проблемы могут усугубиться в случае всплесков насилия и дестабилизации в Центральной Азии, на Украине, в Северо-Восточной Азии.

Последствия и задачи для России

В наиболее общих категориях последствия для России ситуации усугубления ключевых внешних и внутренних угроз Большой Европы можно определить следующим образом.

Усилился целый ряд вызовов внешнего характера. Часть окружающего Россию мира превратилась в более агрессивную по отношению к ней среду. Это относится и к международному терроризму, и к политике расширения НАТО, и к антироссийским санкциям, и к строительству европейского компонента американской системы ПРО. Такое ухудшение ситуации компенсируется развитием евразийских интеграционных и международных проектов с участием России, в первую очередь БРИКС, ШОС, ЕАЭС, укреплением стратегического взаимодействия с Китаем. Активизируются поиску путей нормализации отношений России с Японией.

Произошло ухудшение внешних условий и с точки зрения экономической модернизации России и её социального развития. Долгое время основным её технологическим и инвестиционным донором считался именно коллективный Запад. В условиях санкций была применена вынужденная политика импортозамещения, которую можно рассматривать как желанную для развития лишь некоторых отечественных отраслей. Кроме того, и в этих отраслях первоначальный оптимизм в отношении посылы государства к импортозамещению снизился в результате трудностей на бюрократическом уровне и в банковской системе. Эти недостатки в механизме принятия решений и реализации задач, поставленных политическим руководством страны, необходимо устранять. С перспективой на несколько десятилетий вперёд именно угроза экономического и технологического отставания России от группы мировых лидеров может быть признана главным риском для страны¹¹.

¹¹ Мир 2035. Глобальный прогноз. Пор ред. А.А. Дынкина. М.: Магистр, 2017. С. 328.

В последние годы, главным образом, в европейской части России были реализованы или запущены рассчитанные на долговременный экономический и социальный эффект крупные инфраструктурные мегапроекты с масштабными бюджетными вливаниями: зимние Олимпийские игры в Сочи, «большая Москва», кубок Конфедераций, чемпионат мира по футболу и др. Эффективность каждого из них требует внимательного изучения. Ключевой момент – не допустить, чтобы государственные инвестиционные проекты превращались в инструмент решения ограниченной во времени задачи, вместо того чтобы давать мультипликационный эффект в качестве стратегических звеньев развития отечественной экономики.

Возрастание угроз внешней для России природы привело к значительному увеличению оборонных и иных сопутствующих расходов, к пересмотру государственного бюджета с точки зрения сокращения затрат на социальную сферу, на развитие науки, образования, здравоохранения. Пока нет оснований считать, что масштабный госзаказ в сфере ВПК становится драйвером роста в гражданских секторах экономики, приведёт к налаживанию «перелива» новых технологий в последние. Это не означает, что военная модернизация России – не императив времени. Однако гражданские сектора экономики, в первую очередь её локомотив – потребительский сектор, нуждаются в собственных стимулах и ресурсах для переоснащения и роста, в первую очередь – в доступном кредитовании.

Из-за отсутствия видимых сдвигов в деле модернизации отечественной экономики и её стагнирующего развития из года в год падают реальные доходы населения и его покупательная способность. Хуже работают «социальные лифты», что ведёт к накоплению социальной напряжённости. Эти негативные явления можно объяснять внешними факторами, в том числе антироссийскими экономическими санкциями, но в действительности они – лишь часть проблемы. Главный её источник – в отсутствии очевидных успехов в деле модернизации отечественной экономики – задача, поставленная задолго до введения санкций. Кроме того, ссылки на негативный эффект санкций противоречат частым заявлениям о их благоприятном характере для развития ряда отраслей экономики России.

Наиболее технологически оснащённые государства мира в трудные времена в качестве долговременной антикризисной

политики увеличивают траты на науку, в первую очередь фундаментальную, образование, НИОКР. Например, так делала, в отличие от России, Германия в последнее десятилетие. Стратегическим конкурентным преимуществом в XXI веке будет оставаться наличие у государства современной фундаментальной науки. В России она переживает кризисные времена.

Среди прочего, обескураживает деградация поддержки государством общественных и гуманитарных наук, которые всё больше переводятся на финансирование по остаточному принципу. Грантовые программы могут быть эффективным подспорьем для «базового финансирования», но не должны вытеснять его. Если это происходит, то теряется смысл самих грантов, на основании которых фундаментальная наука не может развиваться в принципе.

Общим местом в России является отсылка к успехам китайской модели развития. Одна из её граней – системные государственные расходы на поддержку общественных и гуманитарных наук, в том числе на создание собственной мощной школы международных, региональных, страновых исследований.

Принципиально важным является возрождение ключевой роли Российской Академии наук как «мозгового штаба» отечественной фундаментальной науки. Этому должны способствовать адекватная реализации Стратегии научно-технологического развития России и разработка эффективного закона о научной, научно-технической и инновационной деятельности в РФ. Значимую роль в решении этой задачи призван сыграть корпус профессоров РАН.

Сложившаяся в мире и в Большой Европе ситуация стимулирует государство вырабатывать новые стратегические подходы, а особенности политического процесса в России позволяют при их внедрении не зависеть от коротких электоральных циклов, предоставляя удобный горизонт стратегического планирования. В первую очередь, речь идёт о политике «развороте на Восток», о крупных экономических проектах в неевропейской части России, таких, как «Сила Сибири». Многообещающим может стать решение о выделении земель на Дальнем Востоке в случае его системного внедрения. Вероятно, что с учётом долговременного характера большинства вызовов безопасности российского государства, как внутренних, так и внешних, понадобятся и

другие неординарные стратегические шаги, например, перенос ряда столичных функций в Сибирь¹².

При этом всю обозримую перспективу геополитическая и экономическая значимость Старого Света будет определять ведущую роль европейского вектора политики России, диктовать необходимость нормализации её отношений с ведущими державами и организациями на континенте. Выгода от этого была бы всеобщей. Так, объективные процессы глобализации и серьёзные политические просчёты поставили перед государствами-членами Евросоюза вопрос о выживании этого интеграционного проекта. Адекватный ответ на него не будет найден без стратегии воссоздания кооперационного пространства от Атлантики до Тихого океана¹³.

Чтобы Россия утвердила себя в XXI веке не только как европейская и даже евразийская держава, которой она и так является, но как держава трех океанов, как один из ведущих центров влияния в XXI в., ей важно выстроить свои геостратегические приоритеты. Если для России Большая Европа не будет надежным и устойчивым мегарегионом, то поворот на Восток в смысле многовекторной диверсификации внешней политики страны, её экономики будет сопровождаться высокими рисками.

Опасно реализовывать пространственную стратегию развития, если у тебя не обеспечены тылы в прямом и переносном смысле. Россию как мощного трансрегионального, а тем более глобального игрока, на Юге и Востоке в полной мере воспринимать не будет, если она не обустроит свой «европейский тыл». Россия как главный игрок в первую очередь в Большой Европе неизбежно заинтересована в решении проблем именно здесь, на пространстве от Лиссабона до Владивостока.

¹² Речь идёт о необходимости развивать стратегическое мышление, не ограничиваясь рамками военной теории и практики. Именно последние традиционно являлись в истории и остаются базой стратегического мышления. Однако невоенная часть стратегического планирования приобретает в XXI веке всё большее значение, во многом равносильное традиционному формату. Об эволюции стратегического мышления см.: Lukas Milevski. *The Evolution of Modern Grand Strategic Thought*. Oxford University Press, 2016.

¹³ Этой многогранной тематике посвящена коллективная монография ИЕ РАН, выпущенная к 30-летию института: Европа XXI века: новые вызовы и риски. Под ред. Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова. М.: Нестор-История, 2017.

Аналитический доклад

Ал.А. Громыко

**Большая Европа: внутренние и внешние
угрозы безопасности**

Формат 60 x 84/16

Гарнитура Таймс

Усл. печ. л. 1,16. Усл. изд. л. 0,8

Тираж 100 экз.

Заказ

Издатель – Российская академия наук

Подготовлено к печати

Управлением научно-издательской деятельности РАН

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Нюанс»
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 26А, стр.2

Издано в авторской редакции

Издается в соответствии с распоряжением
президиума Российской академии наук
от 24 октября 2017 г. №10106-765,
распространяется бесплатно.